

Японские исследования. 2020. № 2. С. 82–95.

Japanese Studies in Russia, 2020, 2, pp. 82–95.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10013

Типы персонажей в произведении Дзиппэнся Икку «То:кайдо:тю: хидзакуригэ»

А.Ю. Борькина

Аннотация. Статья поднимает проблему классификации многочисленных персонажей произведения Дзиппэнся Икку «То:кайдо:тю: хидзакуригэ», одного из ярчайших представителей жанра *коккэйбон*, относящегося к юмористическому пласту развлекательной литературы *гэсаку* эпохи Токугава. При этом объектом исследования становятся как специфические черты, так и основные функции героев, комическое взаимодействие которых составляет основу развития повествования «То:кайдо:тю: хидзакуригэ». Система персонажей рассматривается как один из важнейших факторов популярности произведения, которое считается одним из первых бестселлеров подобного масштаба в рамках литературы *гэсаку*. Все персонажи подразделяются на три группы: протагонисты, «блуждающие» персонажи и «провинциальные» персонажи, внутри которых также выделяются более дробные категории. Протагонисты воплощают собой образ типичных *эдокко*, столичных жителей, презирающих провинциальные обычаи и сосредоточенных на чувственных наслаждениях. Построение произведения вокруг путешествия двух мужских персонажей восходит к традициям японской путевой литературы, однако по сравнению с предшественниками, в работе Икку просматривается и ряд новаторских тенденций. Юмористическое взаимодействие главных героев разнообразно и происходит, прежде всего, в условиях «комедии положений» или на основе механизмов фарсов *кё:гэн*. «Блуждающие» персонажи представлены такими категориями, как персонажи, связанные с транспортом; путешественники; мошенники и авантюристы; персонажи религиозной сферы; воины. Каждая из категорий наделена определённым набором характеристик и функций: например, мошенники и авантюристы являются двигателями повествования и инициируют комические ситуации, а персонажи религиозной сферы сглаживают конфликтные ситуации между протагонистами и прочими действующими лицами. То же разнообразие черт и функций присуще и «провинциальным» персонажам, представленным обслуживающим персоналом постоянных дворов; торговцами; хозяевами чайных домиков и провинциальными жителями. Так, девушки-зазывалы на постоянных дворах почтовых станций То:кайдо:, создают особую атмосферу произведения и вводят в повествование новые локации, а торговцы представляют читателю знаменитые продукты той или иной местности. Основные положения анализа иллюстрируются фрагментами исследуемого произведения в переводе автора статьи.

Ключевые слова: Япония, эпоха Токугава, *гэсаку*, юмористическая литература, *коккэйбон*, Дзиппэнся Икку, тракт То:кайдо:.

Автор: Борькина Анастасия Юрьевна, старший преподаватель, Департамент востоковедения и африканистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (Санкт-Петербург) (190121, Санкт-Петербург, Союза Печатников ул., д. 16). ORCID: 0000-0002-9445-1958; E-mail: an_borkina@mail.ru

Types of characters in Jippensha Ikku's *Tōkaidōchū Hizakurige*

A.Yu. Borkina

Abstract. The problem of the classification of numerous characters in Jippensha Ikku's *Tōkaidōchū Hizakurige*, one of the prominent works of *kokkeibon* ("funny books"), a genre of entertaining literature *gesaku*, is raised in the article. Typical features of the characters, whose comical interaction is the main motive of the narration, altogether with their primary functions are the objects of the research. The system of the characters is perceived here as one of the most significant factors of the literary work's popularity, taking into consideration the fact that *Tōkaidōchū Hizakurige* was one of the first *gesaku* bestsellers of such scale. All the characters are divided into three groups, namely, the protagonists, the "wandering" characters, and the "provincial" characters, among which smaller categories are pointed out. The protagonists are typical *edokko*, the citizens of the capital, who despise provincial traditions and are concentrated on sensuous pleasures. A narration developed around the journey of two male characters is a typical literary device for the traditional Japanese travel literature, however, compared to his literary predecessors, Ikku shows some new tendencies as well. The comical interaction of the main characters varies and takes place mainly in the form of "situational comedy", or *kyōgen*. The "wandering" characters are presented by such categories as transportation sphere's characters, swindlers, travelers, religious characters, warriors. Each category has its own features and functions, for instance, swindlers stimulate the narration's flow as well as cause comical situations, whereas religious characters smooth out the conflicts between the protagonists and other characters. The same is also relevant for the "provincial" characters, who are represented by the staff of post station inns, traders, owners of tea houses, and provincial residents. Girls from the inns create the special atmosphere of *Hizakurige* and introduce new locations into the narration, while traders present the famous products of various provinces. The main points of analysis are illustrated with the fragments of the original text, translated by the author of the article.

Keywords: Japan, Tokugawa period, *gesaku*, humorous fiction, *kokkeibon*, Jippensha Ikku, To:kaido: road.

Author: Borkina Anastasia Yu., senior lecturer, Department of Asian and African studies, National research university "Higher school of economics" (HSE University) (address: 16 Soyuz Pechatnikov Street, St Petersburg, 190121, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-9445-1958; E-mail: an_borkina@mail.ru

Сочинение Дзиппэнся Икку 十返舎一九 (1765–1831) «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» 東海道中膝栗毛 («На своих двоих по тракту То:кайдо:», 1802–1809, далее – «Хидзакуригэ»), одно из наиболее значительных произведений жанра *коккэйбон* 滑稽本 («забавные книги») в частности и развлекательной литературы эпохи Токугава (1603–1867) *гэсаку* 戯作 в целом, являлось, помимо всего прочего, и небывало популярным сочинением своей эпохи. Множество разнообразных факторов обеспечили особое положение «Хидзакуригэ» в серии подобных ему работ, повысив как художественную ценность произведения Икку, так и завоевав для него огромное читательское признание. Одним из определяющих моментов было, несомненно, создание писателем целого комплекса ярких, узнаваемых персонажей, юмористическое взаимодействие которых направляет повествование. «Хидзакуригэ» по сути своей строилось как бесконечное общение героев друг с другом, при этом, учитывая объём произведения и широту охвата различных слоёв населения, а также мастерство

воспроизведения живой разговорной речи, читатели с легкостью узнавали себя и свои повседневные заботы в персонажах Дзиппэнся Икку. Наконец, через полифонию голосов в «Хидзакуригэ» звучит и голос самого писателя, который в условиях усилившейся в конце XVIII – начале XIX в. цензуры, предпочёл высказываться опосредованно и в шуточной манере.

Как отмечает Т.И. Редько, «образная система произведения восходит к традиции народной смеховой культуры» [Редько, 1983, с. 635]. В центре повествования «Хидзакуригэ» находится путешествие двух героев, Ядзиро:бэй 弥次郎兵衛 (в тексте произведения также Ядзи) и Китахати 北八 / 喜多八 (в тексте произведения также Кита), из Эдо в святилище Исэ и дальше, в Киото и Осака. Будучи одним из первых в литературной традиции *гэсаку* произведений такого внушительного объёма, «Хидзакуригэ» представляет читателю настоящий «макромир» тракта То:кайдо:, многочисленные почтовые станции, постоянные дворы и чайные домики которого населены разнообразными персонажами. Всех персонажей произведения можно условно разделить на три группы: 1) два протагониста; 2) «блуждающие» персонажи; 3) «провинциальные» персонажи.

Образы Ядзи и Кита, главных действующих лиц произведения, можно по праву считать одной из лучших писательских находок Икку в «Хидзакуригэ». При этом сама идея построения повествования вокруг путешествия двух героев-мужчин для японской литературы новаторской не является и успешно применяется, например, в таких произведениях, как «Тикусай» 竹斎 (1615–1624) Томияма До:я 富山道治 (1585–1634) и «То:кайдо: мэйсёки» 東海道名所記 («Записки о достопримечательностях То:кайдо:», 1660) Асаи Рё:и 浅井了意 (?–1691) [Traganou, 2005, P. 104–106]. Отмечается, однако, что, в отличие от предшественников, среди которых чётко разграничивались позиции «главный» / «второстепенный» персонаж, Ядзи и Кита действуют в произведении на равных [Икку, 1958, с. 4]. Взаимодействие главных героев можно рассматривать и в другом ключе – многие специалисты отмечают схожесть их поведения с персонажами средневековых фарсов *кё:гэн* 狂言 – *ситэ* и *адо*, главного и второстепенного актёров. Подчас полностью повторяя в своих диалогах сюжеты популярных *кё:гэн* [Early Modern Japanese Literature, 2002, P. 733], герои, с помощью основного комического приёма фарсов – игр словами – создают атмосферу шуточной непринуждённости и некоторой театральности, выстраивают «субкультуру игры, фантазии и творчества» [Gerstle, 2005, P. 364] и погружают читателя в мир юмора и гротеска:

«Приосанившись, Ядзи пошёл дальше. А тем временем, сильно опередивший Ядзи Китахати, узнав от местных, что в лесу живёт лисица-оборотень, испугался, что она околдует его, и решил вернуться и подождать Ядзи. Он сидел на обочине и курил, когда из-за поворота показался Ядзи.

– Ой, Ядзи, это ты? – окликнул его Кита.

– А ты что здесь делаешь? – удивился Ядзи.

– Я ведь хотел дойти до постоянного двора, найти нам место для ночлега, да тут мне рассказали, что, мол, в этом лесу живёт злобная лисица, вот я и решил тебя подождать, чтобы вместе пойти, – объяснил Кита.

Тут Ядзи вдруг задумался, а не приняла ли лисица облик Китахати, чтобы его обмануть.

– А ну иди прочь! – не подавая виду, что ему страшно, нагло крикнул Ядзи. – Обдурить меня хочешь?!

– Эй, Ядзи, ты что такое несёшь? – удивился Кита. – Ты это от голода, что ли, злой такой. На вот, поешь, я рисовых лепешек притащил.

– Ещё чего! Не буду я это дерьмо жрать! – заорал Ядзи.

– Ха-ха-ха! Да это же я, Китахати. Ядзи, ты чего?

– Ага, так я тебе и поверил. На вид и впрямь вылитый Китахати. Ловко прикидываешься, чудище! – тут Ядзи набросился на Кита.

– Ай-ай-ай, Ядзи, ты что делаешь?! – взвыл тот.

– Что делаю? Да я тебя сейчас до смерти забью! – с этими словами Ядзи неожиданно сбил Кита с ног и навалился на него сверху, прижимая к земле.

– Ох, больно-то как! – застонал Кита.

– Больно тебе?! А ну давай, покажи свой настоящий облик, чудище!

– Ядзи, ты чего это мой зад щупаешь?

– Чего, чего. Превращайся обратно, говорю. Где же твой хвост? Вот я тебя! – тут Ядзи заломил Кита руки за спину и связал длинным полотенцем. Китахати же был настолько поражён происходящим, что даже не сопротивлялся.

– Ну что же, теперь вставай и пошли, – скомандовал Ядзи.

Так они и добрались до Акасака – Кита со связанными руками впереди, а Ядзи сразу за ним (пер. по [Икку, 1958, с. 200–201])».

Главные герои «Хидзакуригэ» происходят из провинции Суруга. Ядзи – представитель торгового сословия, промотавший своё состояние, Кита – неудавшийся актер бродячей труппы. Растратив все деньги, доставшиеся Ядзи в наследство от родителей, герои бегут в столицу. В Эдо Ядзи и Кита поселяются в Хаттё:бори, в районе Канда. Жизнь их протекает в весьма стеснённых обстоятельствах, так что в конце концов герои в поисках лёгкой наживы ввязываются в аферу с женитьбой Китахати, однако планы их рушатся, и они вновь остаются ни с чем. Именно тогда Ядзи и Кита решают сменить обстановку и отправиться в путешествие. Главных героев «Хидзакуригэ» довольно затруднительно ассоциировать с какой-либо определённой социальной группой, при этом некоторая маргинальность их образа не вызывает у читателя отторжения, а, напротив, воспринимается (вкуче с мотивом их путешествия) как воплощение освобождения от строгого общественного порядка, побега из мира жёстких норм токугавской Японии, буквального и метафорического [Тэруока, Гундзи, 1967, р. 331].

Некоторые исследователи считают, что Ядзи воплощает в произведении образ самого Икку [Aston, 1907, р. 371], ссылаясь, прежде всего, на сцену из пятой части, где Ядзи в обществе провинциальных любителей поэзии притворяется столичной знаменитостью Дзиппэнся Икку:

«– Прошу прощения, – обратился он к Ядзи, – Вы случайно не из Эдо?

– Да, так и есть, – ответил тот.

– Я от самого Сироко за вами иду, – сказал мужчина, – и всё ваши стихи слушаю. Я хоть и мало в этом смыслю, но уж очень мне понравилось то, что вы сочиняли! Занятные вещицы.

– Да ерунда, так каждый сможет, – отозвался Ядзи.

– Нет, правда, вы меня прямо поразили! Тут недавно из Эдо приезжал к нам Сёсадō Сюнман-сэнсэй¹, и другие тоже.

¹ Сё:садо: Сюнман 尚左堂俊満 (1757–1820) – мастер гравюры укиё-э.

– Да вы что? Ничего себе!

– А вы под каким псевдонимом пишете? – поинтересовался мужчина.

– А я Дзиппэнся Икку, – ответил Ядзи.

– О, я о вас много слышал. Неужто вы и вправду Дзиппэнся Икку? А меня зовут Каботя Гомадзиру. Как же я рад с вами познакомиться! Вы в святилище Исэ направляетесь? – спросил Гомадзиру.

– Да, туда. Специально для моей книги, «На своих двоих».

– Вот оно что. Как это необычно для писателя! – удивился Гомадзиру. – Наверное, вы по дороге сюда успели повидаться со многими вашими друзьями из Ёсида, Окадзаки и Нагоя.

– Нет, не встречался ни с кем. Видишь ли, Гомадзиру, – начал Ядзи, – конечно, на То:кайдо: полно мест, где меня ждут, да только если я начну к каждому заходить и на пирушки оставаться, затянется моё путешествие. Вот я и решил нигде не задерживаться. Поэтому я путешествую в простой одежде, подобно пилигриму, легко и непринуждённо, ставя во главе всего стремление к прекрасному (пер. по [Икку, 1958, с. 262]).

Шутка его, однако, заканчивается неудачно, и на встрече с провинциальными любителями поэзии «лже-Икку», присвоивший стихи известного в то время в стране сочинителя, оказывается разоблачён и с позором изгнан. Безусловно, в ряде моментов некоторые параллели с создателем «Хидзакуригэ» прослеживаются весьма явно. Известно, что Икку сам много путешествовал по Японии, а поводом к написанию первой части «Хидзакуригэ» послужила его поездка в Хаконэ [Shores, 2012, P. 48]. Сохранилось немало свидетельств и об эксцентричной натуре писателя, который часто подшучивал над окружающими. Наконец, общение «лже-Икку» с провинциальными поэтами-любителями также имеет некоторую реальную подоплёку. По мере выпуска новых частей «Хидзакуригэ» и перевода на всё более профессиональную основу работы над ними, Дзиппэнся Икку начал активно привлекать к оформлению произведения художников и поэтов, многие из которых происходили из провинции. Для «Хидзакуригэ» поэты создавали в основном *гасан* 画賛 – стихотворные строки, которые вписывались в иллюстрации [Talamo, 2013, P. 12]. Лучшие из них за определённую плату размещались на страницах бестселлера Икку, авторы же в свою очередь обеспечивали себе широкую известность, так что общение Икку с провинциальными творцами было активным и весьма плодотворным. При этом, однако, не стоит переоценивать «биографичность» героев. Персонажи «Хидзакуригэ», в целом, скорее представляют собой не олицетворение конкретных личностей, а собирательные образы горожан эпохи Токугава.

На первый взгляд главные герои «Хидзакуригэ» весьма непритягательны – глупы и ограниченны, подвержены многим порокам, невоспитанны и грубоваты. Однако на самом деле Ядзи и Кита довольно безобидны, а их поведение представляет собой средоточие комического в произведении. В погоне за женщинами, едой и дешёвыми развлечениями они предпринимают многочисленные попытки обмануть окружающих, но чаще всего сами страдают от своих же махинаций. Попадая же в конфликтные ситуации, герои ловко выходят из них с помощью природной смекалки и живого юмора, лёгкого и непринуждённого смеха *окаси* [Григорьева, 1979, с. 157]. Смех в произведении Икку, таким образом, направлен, прежде всего, на самих смеющихся, что не только располагало читателей к героям, но

и освобождало персонажей в самом смехе, позволяя в скрытой форме выразить критику тех или иных общественных явлений [Лихачёв, Панченко, Поньрко, 1984, с. 5, 9]. Ядзи и Кита являют собой типичный образ *эдокко* 江戸っ子 – столичного жителя, сноба и гуляки, представляющий одно из воплощений общей «эстетики вульгарного» в городской культуре токугавской Японии [Wells, 1997, P. 36]. Интересно при этом отметить тот факт, что сами герои, по сути, не являются настоящими *эдокко*, что дополнительно усиливает иронизацию столь популярного в ту эпоху образа жителя столицы. Значительная доля вышеупомянутых конфликтов протагонистов с другими персонажами действительно проистекает из региональных различий. Главные герои, зачастую незнакомые с традициями той или иной провинции, попадают из-за этого в неловкое положение, однако чувство принадлежности к жителям столицы, привилегированной в сознании *эдокко* группы [Smith, 1993, P. 36], не позволяет им обратиться за разъяснением и помощью к провинциалам:

«– Эй, Китахати, – зашептал Ядзиро:бэй, – а что это за круглые штуковины на тарелках?

– И вправду, что это? – Китахати попытался потыкать странный предмет палочками, но он оказался настолько твёрдым, что у него не получилось отщепить ни кусочка. Приглядевшись получше, Китахати вдруг понял, что на подносе перед ним лежит камень.

– Да это же камень! Камень! – воскликнул, удивленно, Кита.

– Это что, правда, камень?! – спросил Ядзи у прислужницы.

– Да, именно так и есть, – ответила та.

– Вот это да! Где ж это видано-то, – пробормотал Кита.

– Не желаете ли ещё коньяку²? – спросила прислужница.

– Да, можно бы ещё немножко, – ответил Ядзи, протягивая чашку. – Ерунда какая-то, – сказал он, дождавшись, когда прислужница выйдет из комнаты. – Как мы должны эти камни жрать?!

– Слушай, ну должен же быть какой-то способ, как эти камни съесть, раз нам их подали, – сказал Кита. – Говорил же он, мол, угощу вас едой, которой славится эта местность. Кажется, эти камни и есть та самая еда.

– Ни разу о таком не слышал, – пробурчал Ядзи (пер. по [Икку, 1958, с. 266–267])».

Ещё одной важной особенностью главных героев «Хидзакуригэ» является тот факт, что на протяжении всего повествования они не претерпевают никакого развития. Ядзи и Кита в ходе своего многолетнего (с учётом последовавших за «То:кайдо:» продолжений) путешествия не становятся старше или мудрее, продолжая отыгрывать определённые для них писателем ещё в самом начале амплуа. Мир тракта То:кайдо: от страницы к странице погружает главных героев в типовые ситуации и конфликты, в которых они действуют хоть и остроумно, но весьма предсказуемо. Это объясняется тем, что в связи с необходимостью обеспечить возможность выпуска всё новых и новых частей «Хидзакуригэ», Икку помещает своих персонажей в особое «измерение вечности», так что они фактически обретают самостоятельность и становятся связующим звеном для сколь угодно многочисленного

² Паста или желе из корнеплода одноимённого растения.

количества продолжений [Конита, 2004, р. 9]. Можно сказать, что так «Хидзакуригэ» и другие, подобные ему произведения литературы *гэсаку*, выходявшие в свет по частям и пользовавшиеся большой популярностью у публики, требовавшей продолжения приключений любимых героев, в некоторой степени заложили и традицию публиковавшихся в газетах периода Мэйдзи (1868–1912) *цудзуки-моно* 続き物, повестей и романов с продолжением [Мацубара, 2009, р. 43–44.]. Таким образом, тандем главных героев «Хидзакуригэ» представляет собой образ легкомысленных, недалёких, но при этом свободных от условностей гуляк, воплощающих узнаваемые человеческие черты, как отрицательные, так и положительные. Как нельзя лучше вписываются такие персонажи в одну из главенствующих эстетических концепций периода Токугава, *ики* 粋, в рамках которой любое явление окружающей действительности, даже приземлённое или откровенно вульгарное, обладавшее определённым ярко выраженным свойством, воспринималось как возможность встречи с прекрасным [Герасимова, 2016, с. 38]. По определению *ики*, мужчины должны были «быть бодры душой и телом», «разбираться в людях», «знать толк в развлечениях» [Герасимова, 2016, с. 42] и способны находить наслаждение в самых обыденных проявлениях жизни. Ядзи и Кита, будучи популярнейшими персонажами своей эпохи, по сути – «вневременные фигуры», близкие и современному читателю.

Вторая группа, так называемые «блуждающие» персонажи (термин японского литературоведа Мацуда Осаму 松田修 (1927–2004)), включает в себя разнообразных путешественников, паломников и прочих персонажей, перемещающихся по тракту То:кайдо: и вступающих во взаимодействие с главными героями [Кинсэй бунгаку кэнкю: дзитэн, 1986, с. 134]. Образы их яркие и узнаваемы, несмотря на то, что создаются они зачастую с помощью всего лишь нескольких реплик; при этом данные персонажи позволяют Икку создать максимально реалистичную картину тогдашней Японии, а также формируют в произведении атмосферу некоторой неприкаянности, эфемерности существования героев, что, по-видимому, можно рассматривать как одно из воплощений идеи «зыбкого мира» *укиё* 浮世, столь значимой в эпоху Токугава. В связи с этим интересно также отметить, что ни «блуждающие», ни «провинциальные» персонажи (которые будут подробнее рассмотрены ниже) не обладают именем – обычно Икку называет их или по роду деятельности, или по гендерной и возрастной принадлежности, тогда как персонификации удостоиваются лишь немногие из героев. Это дополнительно усиливает характер изменчивости внутреннего пространства произведения – тракта То:кайдо: и населяющих его персонажей. «Блуждающих» персонажей можно весьма условно разделить на шесть основных классов: 1) персонажи, связанные с транспортом (носильщики паланкинов, возницы, лодочники); 2) авантюристы и мошенники; 3) персонажи религиозной сферы (паломники, монахи и монахини и др.); 4) представители воинского сословия; 5) путешественники; 6) прочие (дети, бродячие торговцы, музыканты и др.). Каждый из классов характеризуется набором отличительных черт и функций персонажей, проявляющихся во взаимодействии данных персонажей с главными героями и запускающих развитие сюжетных ходов в произведении. Так, например, персонажи, связанные с транспортом, обеспечивая перемещение главных героев между локациями, являются одними из главных инициаторов движения повествования в произведении. Фактически они зачастую выступают в качестве связующего элемента, объединяя фрагменты, посвящённые похождениям протагонистов в тех или иных пунктах их следования по

То:кайдо: . Помимо всего прочего, с такими персонажами связаны одни из самых удачных комических эпизодов «Хидзакуригэ». Возницы, носители паланкинов, лодочники в произведении Икку являются, наряду с главными героями, выразителями свободолюбия и непринуждённости, сопряжённых с экспрессивной речью и грубоватым, но хлётским юмором. Таковы, например, возницы из эпизода Кавасаки-Канагава, виртуозные ругательства которых не только приводят в восторг Ядзи и Кита, но и особо отмечаются самим Икку:

«Договорившись о цене, Ядзи и Кита взобрались на лошадей и отправились в путь. Позвякивали колокольчики на упряжи, тихо ржали лошади.

Навстречу им выехал ещё один возница.

– Ты, паршивец, сегодня рано, чёрт тебя подёри! – крикнул он.

– Да пошёл ты! – крикнул в ответ один из возниц, с которыми ехали Ядзи и Кита.

– Вот засранец! Сам завали!

Обменявшись ругательствами, эти двое, таким образом, поприветствовали друг друга и соблюли принятые у возниц правила этикета (пер. по [Икку, 1958, с. 55])».

Подобные герои бывают задействованы и в стандартных для «Хидзакуригэ» ситуациях «комедии положений». Одной из наиболее примечательных является сцена из пятой части, где Ядзи и Кита оказываются втянуты в конфликт возниц. Когда герои, после долгих пререканий по поводу цены, наконец-то садятся на нанятых ими лошадей, вдруг появляется знакомый одного из возниц и требует от того уплаты долга. Денег у возницы нет, поэтому мужчина заявляет, что в счёт долга он возьмёт лошадь. Далее следует забавная сцена пререкания хозяина лошади и его знакомого, в ходе которой несчастному Китахати несколько раз приходится то слезать с лошади, то вновь садиться на неё. Заканчивается всё тем, что вконец замученная лошадь встаёт на дыбы и пытается ускакать прочь прямо с Китахати на спине, он же, не удержавшись, падает с седла.

Другую, не менее важную для произведения группу «блуждающих» персонажей составляют авантюристы и мошенники. Они также функционируют в качестве одного из основных двигателей повествования «Хидзакуригэ», при этом их взаимодействие с главными героями зачастую инициирует возникновение дополнительных перипетий сюжета – новых комических ситуаций. Герои данного класса обычно хитрее простодушных протагонистов, однако при этом их мошенничества в большинстве случаев безобидны, как, например, в эпизоде с фокусником из О:цу, обманом выигрывающим пари по поеданию лепёшек. Бывают, однако и исключения, так, столкновение героев с дорожным вором в Мисима на некоторое время оставляет Ядзи и Кита без средств и, являясь переломным моментом в повествовании, ознаменовывает конец их привольного, безбедного путешествия.

Персонажи религиозной сферы играют значимую роль в поддержании хода беседы – основополагающего элемента структуры «Хидзакуригэ» в целом. Они практически не вступают в конфликты с протагонистами, а, напротив, часто смягчают накалившуюся обстановку между главными героями и «провинциальными» персонажами. Они скромны и добродушны в обращении и активно делятся с главными героями поучительными историями из жизни, при этом нередко эти рассказы носят комический характер. Так,

например, на постоялом дворе в Камбара пилигрим-рокубу 六部 рассказывает героям о причинах, побудивших его совершить паломничество – незадачливый рокубу раньше был дельцом в Эдо, и однажды решил нажиться на продаже различных коробочек и ящичков для хранения мелких вещей. По его расчётам, поскольку в Эдо постоянно дует сильный ветер, это неминуемо должно было в итоге привести к росту глазных болезней среди населения, повальной слепоте и увлечению игре на музыкальных инструментах. Тут-то и должен был вступить в дело продавец ящичков:

«Сямисэн³, значит, станет много, на них всех котлов переведут, а крысы всё и заполонят. И, ясное дело, погрызут в домах утварь, а, главное, ящики. Тут-то я и открою свою лавочку, стану уважаемым человеком и преуспевающим дельцом. Так я всё и задумал (пер. по [Икку, 1958, с. 113])».

Торговля его, однако, не заладилась, и тогда ему ничего не оставалось, как стать пилигримом. На том же постоялом дворе другой паломник поведал Ядзи и Кита историю чудесного происхождения своей внучки, родившейся, ни много ни мало, от божества Грома, однажды посетившего их дом. Дитя хоть и оказалось лишено каких бы то ни было волшебных сил, они всё же приняли решение отправиться в паломничество, чтобы очиститься и восстановить душевное спокойствие.

Интересно отметить тот факт, что с религиозными персонажами связан и один из немногочисленных «фантастических» эпизодов «Хидзакуригэ», непосредственно сопряжённых с протагонистами. На одном из постоялых дворов Ядзи и Кита встречаются со жрицей-медиумом, которая помогает Ядзи вызвать дух его умершей жены и поговорить с ним. На первый взгляд, сцена разительно отличается от остальных подобных эпизодов произведения Икку, лишь маскирующихся под «сверхъестественные» – призраки в них оказываются сушащимся на дереве бельём или дымом от костра, а злобная лисица-оборотень – незадачливым Китахати, по стечению обстоятельств оказавшимся в глупом положении. Однако и в данной сцене в конце следует комическое развенчание, хоть и менее очевидное – дух требует передать ему денежное подношение через жрицу. «Привидения» и «монстры», таким образом, возникают перед героями «Хидзакуригэ» исключительно из их собственного невежества и наваждений, и именно в момент развенчания «таинственного» и рождается смех [Kato, 1983, p. 45].

Самураи и военные феодалы-даймё: 大名 как одно из важнейших сословий в японском обществе эпохи Токугава постоянно присутствуют на страницах «Хидзакуригэ», явно и подспудно. Разговорами о процессиях даймё:, остановившихся на постой в близлежащих поселениях, полнятся многочисленные почтовые станции То:кайдо:, через которые пролегает путь Ядзи и Кита. Протагонисты часто оказываются ущемлены в правах представителями воинского сословия, так, случается, что им не удаётся найти место для ночлега, поскольку все постоялые дворы в округе заняты процессией феодала; самураи также пользуются привилегией при оплате переправы, но когда герои пытаются обмануть лодочника и выдать себя за воинов, то терпят неудачу; девушки из процессий даймё: нередко насмеваются над провинциальной внешностью героев, с восхищением глядящих

³ Сямисэн 三味線 – трёхструнный щипковый музыкальный инструмент, корпус которого мог покрываться кошачьей кожей.

вслед их паланкинам. Однако здесь же Икку проявляет и некоторое своеобразие, переворачивая и нарушая нормы самурайского общества и позволяя своим персонажам выйти за рамки сословных условностей, сбежать из строго нормированного токугавского социума в мир фантазии и гротеска, где «сама жизнь играет, а игра на время становится самой жизнью», где оказывается возможным подвергнуть осмеянию и представителей правящего сословия [Бахтин, 1990, с. 13]. Наиболее показательной в этом отношении является сцена встречи Ядзи и Кита с процессией феодала по пути в Кавасаки, где герои не только отказываются пропустить процессию, пав ниц по этикетному обычаю, но и отпускают грубые шутки с сексуальным подтекстом по отношению к самому *даймё*: и его свите. Примечательно, что ещё один подобный эпизод связан с персонажами рассмотренной выше религиозной сферы – там осмеянным оказывается неприглядного вида буддийский проповедник и его безвольная паства, на проповеди повторяющая за ним все его действия, вплоть до сморкания, кашля и сопровождающего их потока ругательств.

Путешественники, ещё одна весьма многочисленная категория персонажей второго плана, используются Икку прежде всего в целях демонстрации различий в бытовом укладе жизни японских провинций. Обычно такого рода персонажи происходят из западного региона Японии и зачастую вступают с протагонистами в привычное для того времени противостояние юго-запада и северо-востока. Чаще всего предметом дискуссии становятся города-центры, Киото и Эдо, а также заведения, располагающиеся в них. В подобных эпизодах Икку наглядно демонстрирует характерную для эпохи Токугава культурно-бытовую самостоятельность отдельных провинций, а также высокую степень заинтересованности населения в изучении собственной страны изнутри и знакомстве со своеобразными обычаями и традициями каждого региона. Кроме того, здесь проявляется и отмеченный выше снобизм столичных жителей, происходящих как из новой столицы, Эдо, так и из прежней, Киото.

Последняя из перечисленных групп «блуждающих персонажей» является самой обширной и неоднородной по составу, в полной мере воплощая собой идею подвижного, текучего мира *укиё*. Персонажи данной сферы скорее создают фон, атмосферу событий «Хидзакуригэ», однако, порой, некоторые из них могут принимать на себя функции других групп. Так, дети часто действуют как авантюристы, однако характер их афер обычно ещё более безобиден, чем у настоящих мошенников, так что нанести серьёзного вреда протагонистам они не могут.

Третью крупную группу составляют «провинциальные» персонажи, по функциям и характеристикам часто сходные с «блуждающими», однако имеющие, в отличие от них, относительно постоянное место проживания. Их также можно разделить на ряд классов: 1) обслуживающий персонал постоялых дворов; 2) торговцы; 3) хозяева и работники чайных домиков и забегаловок; 4) местные жители. Как и в случае с «блуждающими» персонажами, каждый из классов характеризуется некоторым количеством функций и специфических особенностей, в целом же можно сказать, что провинциальные персонажи, во-первых, помогают Икку сделать акцент на различиях обычаев и нравов в столице и в провинциях, а также дополнительно усиливают дух комизма в произведении.

Персонал постоялых дворов делится на несколько категорий: хозяева гостиниц, девушки-зазывалы, провинциальные куртизанки. Хозяева обычно гостеприимны и радушны и функционируют в качестве медиатора, посредника при решении конфликтов между

главными героями и другими постояльцами. Однако иногда, как в сцене со сломанной бочкой для мытья в Одавара, они и сами могут инициировать конфликт. Девушки-зазывалы являются одним из наиболее колоритных образов «Хидзакуригэ» – такое их описание встречается, например, в эпизоде о поселении Гою: «По обеим сторонам дороги на порогах постоялых дворов девушки, с лицами, разукрашенными настолько сильно, что они походили на маски, зазывали посетителей. Они громко орали и хватили за рукава всех, кто проходил мимо. Еле-еле вырвавшись от них, Ядзи пошёл дальше (пер. по [Икку, 1958, с. 199])». В результате этой сцены герой даже сочиняет стихотворение:

«Увидал лица,
Страшенные, как маски.
В ужасе крикнув:
«Молю, отпустите!»,
Из Гою бежал со всех ног (пер. по [Икку, 1958, с. 199])».

Помимо поддержания атмосферы путешествия по То:кайдо: (всюду привычной – подобное описание девушек-зазывал с минимальными изменениями многократно повторяется во всех частях «Хидзакуригэ»), данные персонажи также исполняют важнейшую функцию введения в повествование новых локаций. Поскольку пространство «Хидзакуригэ» дискретно, и герои существуют, по сути, лишь в точках своего перемещения по тракту, именование и утверждение каждой последующей локации является, по сути, формированием новой сцены действия в произведении.

Отметим также, что данная группа персонажей включает в себя наибольшее количество женских образов по сравнению с другими вышеперечисленными категориями. Мир «Хидзакуригэ» в целом – измерение мужчин, полное маскулинности, практичности, грубого, приземлённого юмора *коккэй* 滑稽 [Симпан Нихон бунгаку-си, 1973, с. 941]. Поэтому многочисленный женский персонал постоялых дворов – зазывалы, куртизанки, служанки – по сути, является единственным источником информации о женском быте и мировосприятии, представленным в произведении Икку, что придаёт этим образам дополнительную ценность.

Разного рода лавочники и торговцы, составляющие вторую крупную группу «провинциальных» персонажей часто хитры, нечисты на руку и не гнушаются обчитать главных героев или продать им некачественный продукт. Обычно их функция состоит в репрезентации характерного для данной местности продукта или товара, что в очередной раз подчёркивает значимость культурных различий между регионами и популярность путешествий внутри страны, имевших место в эпоху Токугава и сохраняющихся вплоть до наших дней. Обычно торговцы достаточно активны, иногда даже навязчивы, хотя встречаются и исключения, как, например, хозяин лавки, торгующей особой тканью, производством которой славится поселение Наруми. Будучи слишком увлечён игрой, он не может ответить Ядзи и Кита, сколько стоит его ткань, а в конце концов выходит из себя и набрасывается на незадачливых покупателей, которые, по словам лавочника, не дают ему покоя.

Похожи на торговцев и персонажи-представители сферы общественного питания. Они также представляют региональные различия, но теперь в области продуктов питания, при

этом большинство из них, как и торговцы, часто обманывают протагонистов, предлагая им невкусную или подпорченную еду:

«– Кита, глянь! Рыбка-то, подтухла, вон какие глаза мутные! – заметил в ответ Ядзи.

Да, потускнел и
Мутен взор у рыбы,
Протухшей напроць.
Вот так и были чертовкой
Мы одурачены (пер. по [Икку, 1958, с. 56–57])».

Наконец, категория местных жителей включает в себя провинциалов разнообразных возрастов и профессий, с которыми взаимодействуют главные герои по пути своего следования. Участвуя в действии во множестве амплуа, они, однако, имеют ряд общих черт. Несмотря на всю простоту, неотёсанность и грубоватость провинциалов, Икку рисует большинство из них живыми, достаточно сообразительными и острыми на язык персонажами, что, безусловно, позволяло читателю ассоциировать себя с данными героями и, таким образом, дополнительно повышало популярность произведения.

Таким образом, на страницах «Хидзакуригэ» Икку создает целый комплекс персонажей, юмористические диалоги и взаимодействия которых и становятся ядром повествования в произведении. При этом персонажи «Хидзакуригэ» типичны и узнаваемы, что не только сделало их популярными среди тогдашних читателей, которые могли ассоциировать себя с ними, одновременно посмеиваясь над героями и сочувствуя им, но и позволило произведению сохранить свою актуальность и понятность и по сей день. Именно эта «вневременная» сущность персонажей, а также их яркие комические образы, по-видимому, могут считаться одной из главных художественных ценностей «Хидзакуригэ».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: «Художественная литература», 1990. 543 с.

Герасимова М.П. От эпохи Эдо до наших дней. Эстетический идеал городской культуры // Японские исследования. 2016. № 4. С. 36–54.

Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. М.: главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. 368 с.

Дзиппэнся Икку. То:кайдо:тю: хидзакуригэ : [На своих двоих по тракту То:кайдо:]. Токио: Иванами сётэн, 1958. Т. 62. 503 с.

Кинсэй бунгаку кэнкю: дзитэн : [Энциклопедический словарь по литературе периода Кинсэй] / под ред. Окамото Масару, Кира Суэо. Токио: О:фу:ся, 1986. 498 с.

Конита Сэйдзи. Эдо гэсаку-но рэнсай ко:со: : [Идея публикации произведения по частям в литературе гэсаку] // Japanese Literature. 2004. № 5. Р. 2–10.

Лихачёв Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л.: «Наука», 1984. 295 с.

Мацубара Макото. Дзию: минкэн ундо: то гэсакуся: «Дзию:то: дзидай» ни окэру Ватанабэ Бункё: то Нодзаки Сабун то но хикаку кара : [Движение за свободу и народные

права и *гэсакуся*: на основании сравнения деятельности Ватанабэ Бункё: и Нодзаки Сабун в «эпоху Либеральной партии»] // *Japanese Literature*. 2009. № 58. P. 43–51.

Редько Т.И. Повествовательная проза: [Японская литература первой половины XIX в.] // *История всемирной литературы*. Т. 6. М.: «Наука», 1983. С. 631–635.

Симпан Нихон бунгаку-си : [Новое издание истории японской литературы] / под ред. Хисамацу Сэнъити. Токио, Сибундо:, 1973. Т. 5. 1061 с.

Тэруока Ясутака, Гундзи Масакацу. Эдо симин бунгаку-но кайка : [Расцвет городской литературы Эдо]. Токио: Сибундо:, 1967. 458 с.

Aston W.G. A History of Japanese Literature. London: William Heinemann, 1907. 409 p.

Early Modern Japanese Literature: An Anthology, 1600–1900 / Shirane Haruo., ed. New York: Columbia University Press, 2002. 1027 p.

Gerstle A.C. The Culture of Play: Kabuki and the Production of Texts // *Oral Tradition*. 2005. №20. P. 188–216.

Kato Shuichi. A History of Japanese Literature / Transl. by Don Sanderson. Tokyo, New York, San Francisco: Kodansha International Ltd., 1983. Vol. 3. 307 p.

Shores M.W. Jippensha Ikku, *Hizakurige* and Comic Storytelling // *Early Modern Japan: An Interdisciplinary Journal*. 2012. № 20. P. 46–75.

Smith D. H. The Floating World in Its Edo Locale 1750–1850 // *The Floating World Revisited* / Jenkins D., ed. Portland Art Museum, Hawaii University Press, 1993. P. 25–45.

Talamo M. *To:kaido:chu: hizakurige*: popular work or fruit of a well-planned commercial strategy? An inquiry from a sociological perspective // *Acta Asiatica Varsoviensia*, 2013. № 26. P. 7–23.

Traganou J. The To:kaido: Road: traveling and representation in Edo and Meiji Japan. Taylor & Francis e-Library, 2005. 267 p.

Wells M. Japanese Humour. UK, Palgrave Macmillan, 1997. 196 p.

REFERENCES

Aston, W.G. (1907). A History of Japanese Literature, London: William Heinemann.

Bakhtin, M.M. (1990). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya I Renessansa* [Francois Rabelais and the popular culture of Middle Ages and Renaissance], Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Early Modern Japanese Literature: An Anthology, 1600–1900. (2002). Shirane Haruo (ed.), New York: Columbia University Press.

Gerasimova, M.P. (2016). Ot epokhi Edo do nashikh dney. Esteticheskiy ideal gorodskoy kul'tury [From Edo period to Present Day. The Aesthetic Ideal of Urban Culture], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 4: 36–54. (In Russian).

Gerstle, A.C. (2005). The Culture of Play: Kabuki and the Production of Texts, *Oral Tradition*, 20: 188–216.

Grygoryeva, T.P. (1979). Yaponskaya khudozhestvennaya traditsiya [Japanese artistic tradition], Moscow: Nauka. (In Russian).

Jippensha, Ikku. (1958). *Tōkaidōchū hizakurige* [Shank's Mare], Tokyo: Iwanami shoten, Vol. 62. (In Japanese).

- Kato, Shuichi. (1983). *A History of Japanese Literature*, Don Sanderson (transl.), Tokyo, New York, San Francisco: Kodansha International Ltd., Vol. 3.
- Kinsei bungaku kenkyū jiten (1986). [The Dictionary of Kinsei literature], Okamoto Masaru, Kira Sueo (ed.), Tokyo: Ōfūsha. (In Japanese).
- Konita, Seiji. (2004). Edo gesaku-no rensai kōsō [An idea of serialization in gesaku literature], *Japanese Literature*, 5: 2–10. (In Japanese).
- Likhachev, D.S., Panchenko, A.M., Ponyrko, N.V. (1984). *Smekh v Drevney Rusi* [Laughter in Ancient Russia], Leningrad: Nauka. (In Russian).
- Matsubara, Makoto. (2009). Jiyū minken undō to gesakushā “Jiyūtō jidai” ni okeru Watanabe Bunkyo to Nozaki Sabun to no hikaku kara [The Freedom and People’s Rights Movement and gesakusha: based on the comparison of Watanabe Bunkyo and Nozaki Sabun activities in the “Liberal party epoch”], *Japanese Literature*, 58: 43–51. (In Japanese).
- Redko, T.I. (1983). Povestvovatel’naya proza: [Yaponskaya literatura pervoy poloviny XIX v.] [Narrative fiction: [Japanese literature of the first half of the 19th century]], in *Istoria vsemirnoy literatury*. Moscow: Nauka, 1983, Vol. 6: 631–635. (In Russian).
- Shinpan Nihon bungaku-shi (1973). [A new edition of the Japanese literature’s history], Hisamatsu Sen’ichi (ed.), Tokyo: Shibundō, Vol. 5. (In Japanese).
- Shores, M.W. (2012). Jippensha Ikku, *Hizakurige* and Comic Storytelling, *Early Modern Japan: An Interdisciplinary Journal*, 20: 46–75.
- Smith, D. H. (1993). The Floating World in Its Edo Locale 1750–1850, in Jenkins, D. (ed.) *The Floating World Revisited*, Portland Art Museum, Hawaii University Press, 1993: 25–45.
- Talamo, M. (2013). *To:kaido:chu: hizakurige*: popular work or fruit of a well-planned commercial strategy? An inquiry from a sociological perspective, *Acta Asiatica Varsoviensia*, 26: 7–23.
- Teruoka, Yasutaka and Gunji, Masakatsu. (1967). Edo shimin bungaku-no kaika [The blossom of Edo city’s literature], Tokyo: Shibundō. (In Japanese).
- Traganou, J. (2005). *The To:kaido: Road: traveling and representation in Edo and Meiji Japan*, Taylor & Francis e-Library.
- Wells, M. (1997). *Japanese Humour*, UK: Palgrave Macmillan.

Поступила в редакцию 29.02.2020

Received 29 February 2020

Для цитирования: Борькина А.Ю. Типы персонажей в произведении Дзиппэнся Икку «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» // Японские исследования. 2020. № 2. С. 82–95. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10013

For citation: Borkina A.Yu. (2020). Tipy personazhey v proizvedenii Dzipp-ensya Ikku “To:kaydo:tyu: khidzakurige” [Types of characters in Jippensha Ikku’s *Tōkaidōchū Hizakurige*], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 2: 82–95. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10013